

«Как слово наше отзовется»

Вася Боровой был крепким мужчиной с крупным и умным лицом инженера-строителя. Его недавно очень задел пост одного известного писателя, и Вася никак не мог успокоиться. Мне, как известному в городе книголюбу, он в первую очередь и жаловался:

— Не, ты понимаешь? Ничего ты не понимаешь!

Упомянутый писатель в контексте идей евразийства рассказывал у себя на странице в соцсети, как ездил в наши и соседние азиатские дали. И что, мол, на мероприятие пришли только «местные», как он выразился, то есть представители коренного монголоидного населения. Пост этот вызвал удивление как у европеоидов, так и у монголоидов. Если отбросить расовые особенности строения тел — тот же разрез глаз, — последние отличались от первых разве что налаженными горизонтальными связями «бурят буряту помощи», да те, кто постарше, могли малозаметно свои ритуалы проводить — кто буддийские, кто шаманские. Если же вернуться к особенностям физиологии, то «монгольский глаз» спасал от дальнего света на трассах, что очень раздражало европеоидов — тех слепило. В Бурятии

по ночам ездить невозможно: «местные» забывают выключать дальний свет.

А так... 9 Мая праздновали вместе, Масленицу тоже, Пасху и Сагаалган тоже. Столько веков воевали бок о бок. Один православный священник недавно выпустил фильм «Брат ты мне» про многовековую дружбу «местных» и, оказывается, «не местных».

В общем, пассаж писателя не поняли и оценили враждебно. Вася, в очередной раз раскрасневшийся щеками и излишне жестикулирующий, внушал мне:

— Я родился здесь, отец мой родился здесь, дед мой тоже родился здесь! Я с четырнадцати лет работаю, я землю местную пахал, ногами до Байкала ходил, земля эта с водою ангарской меня ростила! А тут, понимаешь ли, не местный! Да если бы не мы, кто — буряты или тунгусы — оперный театр себе придумал бы? А? Скажи мне!

Проповедь евразийства стала толкать уязвленные души к легкой ксенофобии. А где легкая...

— Дорогой мой... — Я примирительно отпил кофе из чашки. — Никто не обесценивает вклад русских в развитие этой территории, никто не отрицает, что земли эти к России присоединяли, не особо спрашивая живущих тут кочевников. Но справедливости ради отметим, что те же тунгусы русских приняли практически с радостью. Они и так дань платили, только бурятам, а с приходом европейцев получили ружья, мельницы, инструменты и новые подходы к земледелию. За Уралом до нас в принципе перенаселение было...

Исторические детали моего приятеля интересовали слабо. Он, скорее, хотел получить подтверждение мыслям, в которых без конца варился.

— Я же фото посмотрел! Он пишет, что «в зале одни местные, раскосые лица» сидели! А там славяне только, понимаешь? В Якутске еще пару азиатов нашел, а у нас-то и на фотках не было! Зачем врать, спрашивается?!

— Слушай, он пишет по десять постов в день, может, болел или с похмелья мучился, написал, что в голову первое пришло.

— Разве писатель так может?! Он же каждое слово!.. Бусинка к бусинке! Эх...

— Ну слушай, ты не сравнивай палец с ручкой. Писатель свой текст сам на десять раз отредактирует, потом редактору профессиональному отдаст... У нас вот Сенчин был недавно, рассказывал: если редактор от издательства присылает почти нетронутый текст, он просит заменить редактора.

— Он же писатель!

— Он человек. И блог — это блог, считай, прямая речь, там легко оговориться.

— Ничего ты не понимаешь...

Через месяц Вася отдал мне все свои книги неосторожного в высказываниях писателя. Еще через четыре принес научный журнал со своей статьей — местный университет, что не принято, опубликовал исследование любителя. Мой товарищ проанализировал литературные образы взаимоотношений коренного и пришедшего населения региона у местных классиков. Работа была не без огрехов, но достойная. Я сам многое узнал из нее.

Я был рад, что Вася не ушел в сети радикально-правых взглядов. Может быть, та самая местная литература, которая сложилась к расцвету Советского

Союза и весь прошлый век несла идеи братства народов, не дала радикализироваться. Через год Василий Федорович Боровой организовывал совместные мероприятия с этническими клубами, просвещал в вопросах истории население, знакомил народы с их же традициями. Последнее, признаться, больше русским требовалось: коренные, кто постарше, традиции своих народов сохраняли, а вот что за Благовещение такое или что символизирует верба в Вербное воскресенье, многие из крещеных не знали.

События повлияли не только на гражданственность Василия, но и на духовный мир. Сын заводчан, родившийся на излете Союза, религией предков не интересовался, разве что куличами. А тут невольно приобщился, изучил, все взвесил — да и принял крещение аккуратно 19 января, прямо в проруби.

А я через какое-то время, жарким и душным летом, оказался в Москве, на презентации книги обидевшего моего товарища писателя. Исторический роман, много фактов, блестящая речь, потом вопросы из зала. Понимая, что автограф-сессия будет долгой, я решился задать вопрос. После краткой благодарности за творчество спросил:

— Я вот из далекой Сибири, вы в одном своем посте представителей наших коренных народов назвали «местные», мол, русские там не местные. Этим очень сильно обидели одного моего друга. Почему же веками живущие на тех землях русские — не местные?

— Я правда так написал? — Интеллигентного вида круглые очки слегка сползли к кончику носа.

— Да. Что на презентации вашей книги только местные были. Там про орду еще что-то...

— Да-да, припоминаю... — Писатель, один из моих любимых из числа нынче здравствующих, задумался. — Правда, оговорился, наверное. Прошу передать извинения вашему другу. Вы оставайтесь на автографы, я ему книжку подпишу.

Возвращался я в «старушонку седую», как назвал Сибирь один наш прославившийся поэт, с двумя подписанными книгами — себе и Васе. Уже в самолете не удержался, решил подглядеть, что же писатель передал обиженному читателю. Открыв первую страницу с большой и красивой надписью названия книги, под которой тек волнами почерк автора, я весело хохотнул, едва пробежавшись глазами. Там было написано:

«Дорогому местному читателю. Прошу простить похмельную оговорку».

Знал бы автор, какого человека вырастила его «похмельная оговорка». А ведь могло и наоборот сложиться, ох могло...

Венец природы

— Понимаешь, ни работы нормальной, ни перспектив. Чувствую себя как в ссылке. Или на каторге. В моей сфере, в том, чем занимаюсь, что умею — и умею, поверь, лучше остальных, — я уперся практически в потолок. Кирьяныч шутит, что у нас климат такой, но... Работал бы в крупной фирме — один хрен в директора офиса или отдела идти, чтобы больше зарабатывать, а это уголовная ответственность и прочий головняк за дополнительные двадцать тысяч. Оно мне надо?

Коля пыхтел в усы, откровенно жалуясь на жизнь. Он остановил тираду, чтобы выпить пуэра. Федя поспешил вклиниться:

— Напомни, у тебя когда день рождения?

— В ноябре. Двадцать третьего.

— Ну-ка...

Смартфон легким движением оказался в руках Феде. Он застрочил по клавиатуре, извлекая такой звук, будто по воде в чашке бил пальцами.

— А, так у тебя весь этот год Сатурн в такой фазе, что...

— Что?! — Николай выпучил и без того громадные глаза.

— Сатурн в фазе...

— Федя, блин! — прошипел Коля. — Какой Сатурн?!

— Планета! Я начал с астрологом работать. Знаешь как помогает! А еще йога, чакры... Поиск гармонии! Вообще другим человеком себя ощущаю.

— Ага, был кандидат математических наук, а стал дурак.

— Эй!

— Ну какие Сатурны с чакрами?! Зачем?

— Для жизни! Для счастья! Я себя как Нео из «Матрицы» теперь чувствую, весь мир, все люди понятны! Представь, что мир — программный код, и...

— Стоп. Стоп-стоп-стоп. Мне этого всего не надо, я взрослый, успешный, уважающий себя мужик. Да, есть неудачи в жизни, да, они могут совпасть с какой-то там фазой Сатурна. Плевать! Я человек, моя жизнь зависит от моих решений! — Николай сделал несколько движений вытянутыми ладонями, будто раскладывал сказанное по полочкам, стараясь не закипать. — Я имею право играть теми картами, которые выпали, и так, как я хочу. И никакие звезды или астрологи мне не нужны! Я свободен!

— Да свободен, свободен. — Каждый из них смотрел на сидящего перед собой одинаково: как на дурака. — Это же просто для понимания. Для личной эффективности. Чтоб не сидеть и не страдать, выговариваясь другу.

— А друзья разве не для того нужны, чтобы выслушать, когда больно, и отпраздновать вместе, когда победа?

— Так я и хочу помочь! — Федя подался вперед.

— Мозги ты пудришь! Во сколько твой астролог тебе обходится?

— Ну, в прошлом месяце семнадцать тысяч...

— Ты препод в универе, какие семнадцать тысяч?! Заняться нечем?

— Так я тут потратил, а потом ведь сторицей придет! Не бойся жертвовать!

— Ты не жертвуешь! — Коля все же начал злиться и непроизвольно сжал кулаки. — Ты покупаешь услугу.

— Дела в гору пошли!

— Да? У тебя новая квартира, машина или, может, вы с женой над следующим ребенком задумались?

— Да нет, я не о том...

— Или, может, зарплата выросла на тридцать четыре тысячи, что ты половину можешь спокойно отдать звездочету?

— Нет, я...

— Или ты в буддизм подался и тебе монахи профессионально раскладку делают?

— Коля!

— То есть ты даже в своем астрологе не можешь быть уверен, что это не профан какой? Он, может, учился у монахов?

— Все, отвали...

— Федя, я человек. И ты человек. Где твоя гордость? Астрологи и прочие гадания — это попытка снять с себя ответственность. Подсмотреть в замочную скважину, увидеть фигу, принять ее за флирт и довольным сидеть на заднице ровно. Или, наоборот, пойти какую-нибудь хрень сотворить. Блин, это же просто самоуспокоение! Вторая ступень пирамиды Маслоу, поиск безопасности! Мне сказали, что делать,

чего опасаться, со мной теперь ничего плохого не случится! Опиум, успокоительное для народа! Да, времена непростые, да, кризис на кризисе, то эпидемия, то война по всему земному шару. Но в том и красота, что в этом хаосе ты сам отвечаешь за себя, за свои решения и поступки, принимаешь на себя ответственность! В этом гордость человеческая! Мы венец природы, Федя!

Федя смотрел обиженно.

— Зарплата у тебя хотя бы увеличилась?

— Коля, дорогой, иди в очко. Задолбал. Венец природы, блин.

— Тебе это что, реально настолько важно? — Тон стал мягче. Задевать друга он не планировал.

— Мне важно, чтобы меня друг ценил и принимал, а ты...

— Сократ мне друг, но истина дороже. Кинут тебя твои звезды, если головой думать не будешь. В покер больше шансов выиграть.

— Мне нельзя в покер, я математик. Ладно, ехать пора. Предлагаю в следующую субботу с мужиками собраться.

— Давай...

На душе скребло, будто кто-то выводил по ней узоры неаккуратно вскрытой жестяной банкой. Коля знал, какой сейчас бум на всякую магию и эзотерику, достаточно в любой книжный зайти. Но чтобы друзья, умные, талантливые, залезли в это болотце для неуверенных в себе?! Этого Коля понять никак не мог.

Федя ушел, Коля, как всегда, заплатил за них обоим. Теперь понятно, почему друг всегда без денег: всё на свою ересь спускает.

Пуэр стал горчить, атмосфера китайской чайной потеряла очарование, настроение проваливалось в адские бездны. Позвал друга посидеть вместе, душу излить — а он...

На дворе стоял теплый февраль, обещающий раннюю осень. Без шапки ходить пока холодно, но куртку можно и не застегивать, если под ней свитер или кофта. Коля любил свитера из толстой пряжи, чтобы уют и тепло, а еще с высоким воротником — за те же свойства. Чувствовал себя в таких свитерах сильно моложе.

Ему было почти сорок, он имел небольшое дело по починке компьютеров и продаже комплектующих, которому с каждым годом все больше угрожали всякие мошенники. Сначала обещают цену ниже, чем в приличной конторе, а потом выставляют счет в три раза больше, нагородив всякие неизвестные инженерной мысли услуги вроде чистки процессора. Народ не богатеет — вот и профессионалам платить не хочет, боясь адекватных цен. И нарывается на мошенников. За последние полгода трижды приходили за консультацией, могут ли такие услуги столько стоить...

Что ж, на часах полдень, он как раз собирался навестить матушку. Она жила в отдаленной части города, за рекой Ушаковкой, в предместье Рабочее. Он там и вырос. Среди регулярно штурмуемых цыганских дворцов-нарколабораторий, разборок на ножах, постоянных аварий любителей навалить боком в проходящей через лес трассе, притонов, повального алкоголизма бывших офицеров госбезопасности из числа соседей и простого человеческого ожесточения. Он и стал жёсток. Ибо жил правильно, честно, с четкими ориентирами и спокойной совестью. Людей бил редко,

обманывал никогда, как мог любил и чаще жалел. Но вида, конечно, не показывал. Да и заподозрить его в жалостливости вряд ли можно — слишком уж густые брови достались от папеньки, постоянно всем кажется, что Коля хмурится. Для баланса он отрастил усы. Как у пилотов из американских фильмов его юности.

Радость проехаться по городу в автобусе выпадает редко: обычно он на своей машине и в пробках — сначала утренних, потом вечерних. Бизнес бизнесом, а в центральном (из двух) офисе он сам сидит, часто и с инструментом возится. Все рубль в карман. Да и парней-работников всегда есть чему обучить. Они знают: Николай Антонович строг, но справедлив и по-хозяйски заботлив. Один уволился, решил свой офис по починке компьютерной техники открыть, так звонит иногда, советуется. Николай помогает.

А тут выходной день, пустые улицы, в крови хороший китайский пуэр — благо граница с восточной империей рядом. Он добежал до остановки, нырнул в салон маршрутки, сунул водителю полтинник. Получив сдачу, царственно расположился на одиночном сиденье. Смотрел, как за окном в ярком солнечном свете преобразается город. Цвета на стенах становятся насыщенней, люди активнее; парочки идут, держась за руки. Красота.

Он вышел на конечной. Невысокие домишки, рядом кладбище, за спиной — вереница гаражей автослесарей. Все им исхожено здесь вдоль, поперек и даже меж. Место, любые вибрации которого чувствуешь кожей. Хотя за последнее десятилетие оно значительно изменилось.

Николай любил изменения, когда они идут на пользу, вроде новой детской больницы, построенной у самой

Ушаковки. Но все равно отчего-то тосковал. Пусть детство не было беззаботным, пусть сейчас он рад быть тем, кто он есть, но... Уже ни на стройке пива с пацанами не выпить, ни к Настюхе по балконам с цветами не забраться, ни подраться, в конце концов, — поводов-то нет. Середина жизни. Старые радости уже недоступны, для новых еще не вышел на пенсию.

Всего каких-то десять минут пути — а по ощущениям оказался в деревеньке у края тундры. Суэта и шум города исчезли. Вокруг деревянные дома, часто покосившиеся, иногда наполовину снесенные, чуть чаще — заготовки домов, еще не обжитые, но уже отстроенные вплоть до крыши-макушки.

Но главное здесь, конечно, тишина — словно в лесу находишься. Пожалуй, даже в деревне должны быть хоть какие-то звуки человеческой деятельности, а тут пустота. Вакуум, как в космосе.

Он решил дать крюк, пройтись до самой окаемки обжитой территории, за которой кончался город. Может, пройдя поле, и до леса дойдет. Первый за три недели выходной надо провести с пользой не только для тела, но и для духа.

Раздался звонок телефона. Неизвестный номер, скорее всего спам, но могут быть и клиенты-партнеры. Николай ответил, рассматривая носки своих ботинок. Две секунды молчания, за которыми раздался механически-приятный девичий голос, искусственный, как улыбка девицы с тайского курорта. Спамеры. Напасть века.

Он нажал красную кнопку, поднял взгляд и замер. «Собака», — подумал сначала.

Потом понял, что какая-то не такая. И дело не в оскале с отогнутой, словно ошметок кожи, губой.

Больно крупная. На волка похожа. Но для волка мала, хотя формой морды очень напоминает. Окрас тоже не волчий, в основном коричневый, с серыми пятнами. Что за тварь такая?

Он замер, стараясь контролировать дыхание. Руку с телефоном осторожно опускал, боковым зрением пытался понять, что вокруг. Заснеженная дорога, заборы, все та же тишина. Проклятье, хоть бы кто до кухни спустился микроволновку включить — и то бы услышал, кажется. Но нет. словно чума всю деревню выкосила.

Тьфу, какая деревня? Город. Только почему-то огромная собака на него скалится и дыбится посреди улицы.

Тварь зарычала и бросилась. Слева забор из профнастила был ниже, чем справа. К нему Коля и рванул.

Убрать телефон в карман он не успел. Попытался зацепиться за край листа сгибом кисти — неудобно; подпрыгнул, закинул предплечье, постарался перевернуться. В пятку что-то сильно ударило и чуть не утянуло его в сторону. Коля начал падать, ударился руками об металл, уронил телефон. На мгновение запаниковал, но справился, наклонился вперед, перебирая руками и опуская как можно ниже голову, чтобы тело утащило за собой ноги.

Он плюхнулся в сугроб. Отчего-то было ясно, что тварь его разорвет. Начал искать в снегу телефон, но тут что-то большое оглушительно рухнуло на забор со стороны улицы, рыкнуло, сверху показались жилистые лапы с когтями. Забор был невысоким, да. И в следующий прыжок тварь его, скорее всего, перепрыгнет.

Проклиная свою осторожность, Коля побежал к дому, невысокому старому зданию, напоминавшему скорее дачу. Застучал по стеклу, начал звать на помощь. Внутри царила та же тишина, что и на улице перед его встречей с собакой. Или это волк?

Когти заскоблили по металлу, и через мгновение хрустнул снег. Тварь, не разбираясь, сразу же метнулась следом за Колей. Он вновь побежал, через участок к ближайшему забору, по ходу пытаясь понять, каким маршрутом придется меньше уминать снег. Споткнулся. Распластался, по-глупому хватанул ртом пушистый снег, подпрыгнул. Твари снег был не так страшен, но она тоже двигалась медленнее, чем могла бы.

Проклятье, проклятье, проклятье!

На участке стоял то ли сарай, то ли баня для гномов. Коля побежал к ней, стараясь больше не падать. За пристроенным ничем не оказалось. Забор тут был выше, он прыжком едва зацепился за него, ботинки скользили по металлу. Пришлось вывернуться и упереться ногами в деревянную стенку. Мысленно матеря каждый лишний грамм жира на животе, Николай зашагал по дереву, напрягая мышцы рук, пресса и ног, пока наконец не смог перекинуться через препятствие.

Закинув ноги, он продолжал держаться за забор одной рукой, проворачивая кисть, и таким образом приземлился на ноги. Повезло, потому что под снегом оказалась куча кирпичей. Он пнул один на нервяке, побежал, но тут же вернулся. Кирпич хоть какое-то оружие. Коля взвесил его в руке. Фигня, конечно, по сравнению с теми, какие они в детстве метали со стройки. Но хоть что-то.

Он вновь попытал счастье и побежал к дому. Тварь за спиной выла, бросалась на забор, но перебраться не могла. Если это не сулило спасения, то хотя бы давало фору.

В этом доме тоже никого. Хоть окна бей, надеясь, что они под каким-нибудь ЧОПом. Но это обычно демонстрируют, чтобы воров отвадить. А тут никаких следов сигнализации.

Зверя не было слышно. Николай замер, вдохнул. Вновь тишина. Может, и не было никакой собаки?

Раздался не то лай, не то рычание, не то рев со стороны дороги. Тварь одним прыжком оказалась на участке. Николай сгруппировался, думая, бить или бежать. Решил бить, но отойти за дом. В чистом поле против такой громадины шансов мало.

Он стоял у самого края стены, чтобы сразу броситься. Кирпич придавал уверенности, хоть ноги и дрожали от адреналина. Даже какой-то охотничий азарт разлился по крови, уголок губы потянуло вверх. По воюем, падла.

Тварь двигалась почти беззвучно. Коля мог бы и пропустить нападение, если бы не показавшаяся из-за угла длинная морда. Он с криком бросился на зверя, успел заметить оскал белых клыков, злой, почти осмысленный взгляд бездонных черных глаз и комки льда возле пасти — наморозило от дыхания.

Первый удар — промахнулся: тварина шарахнулась от него, широко выставив передние лапы. Он прыгнул и огрел ее по голове. То ли пес, то ли волк заскулил, затряс мордой. Коля ударил еще раз, снова попал, кажется, рассек шкуру. Но тут зверь бросился на него.

Он едва удержался на ногах. Массивная челюсть защелкала перед ним, стараясь достать горло. Надо думать, сработали инстинкты: ошавевшая тварь бросилась в атаку, спасаясь от боли. Действовала почти вслепую, что Коле жизнь и спасло. Или, по крайней мере, отсрочило страшную гибель.

Мысль о том, что его сейчас реально могут растерзать, окончательно обрела вес только с защелкнувшейся на предплечье челюстью. Его поразила боль. Просунутая между шеей и пастью твари рука защитила горло.

Его укусили за левую руку, правая продолжала держать кирпич. Он саданул собаке промеж глаз. Или волку. Или чем там была эта инфернальная дрянь.

Дрянь отбежала на несколько метров, скуля. Пригнулась, стала выхаживать кругами, пригибая морду к земле. Кажется, все-таки волк. Коля посмотрел на руку: рукав изодран, на снег весело капает кровь.

Быстро оглянувшись, Коля отошел к окну. Не пластиковое, старое, мутное. Переkreщенное деревянными рейками. Он сначала подумал сам залезть в дом через это окно, потом понял, что тут его тварь и загрызет, прыгнув на спину. Решил поступить иначе.

Сначала разбил стекло кирпичом, потом стал ругаться на зверя, провоцируя. Тварь напрыгнет на него, а он, присев, подбросит ее и, перехватив, обрушит горлом на торчащее стекло.

Коля демонстративно кинулся на волкособаку, та кинулась к нему, он отбежал снова спиной к окну, начал исполнять план... Когда пальцы ударили под лапы зверя, утопая в жесткой шерсти, нервов хватило только спружинить ногами и перебросить тело через себя. Снова хруст стекла, тут же удар об деревянный

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru